

**ЛЕВ
СЛАВИН**

ИЗБРАННОЕ

Лев Исаевич Славин
Поездка в Цербст
Серия «Рассказы и очерки»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158753

Лев Славин «Избранное»: Художественная литература; Москва; 1981

Содержание

Лев Славин

Поездка в Цербст

Мы приехали в Цербст поздно. Низкое солнце облило все желтой краской, анилиново-яркой, словно изготовленной на заводах «Фарбениндустри». Блестела асфальтовая мостовая, надраенная машинами до синевы и маниакально подметаема жителями трижды в день, что бы ни случилось – бомбежка, солнечное затмение, капитуляция Германии. Из палисадников торчали березы, коренастые, толстобокие, каких у нас не увидишь. На небе – ни облачка. Оно было такое чистенькое, словно и его хозяйки ежедневно споласкивали мыльной водой и терли наждаком. Какая тоска на чужбине!

И даже разрушенные дома, которых здесь оказалось очень много, обляпанные этим дьявольски желтым лаком, имели такой вид, словно они не разрушены, а построены художниками Уфа-фильм для очередного кинобрёда вроде: «Германия – пастух народов», созерцая который немцы вывихивали себе челюсти в могучих зевках.

– Напоминает ли вам что-нибудь это слово «Цербст»? – спросил я своего спутника, капитана Савельева.

Он повернул ко мне свое курносое рязанское лицо, прокопченное в пыли бранденбургских проселков, и сказал:

– Свист.

Я засмеялся, глядя на него.

– Немцы, пожалуй, примут вас за сенегальского офицера из французской армии.

– Не думайте, что вы блее меня, – проворчал он.

Мы ехали от самого Берлина в открытом «виллисе», и пыль пробила нас насквозь. Ее скрип чувствовался в кишках.

– Здесь родилась, – сказал я назидательно, – российская императрица Екатерина Великая, в девичестве принцесса Ангальт-Цербстская. Савельев, это чудесный вклад в вашу коллекцию.

– Меняю всех императриц, начиная от царицы Савской и кончая королевой Мадагаскарской, на шайку с горячей водой, – сказал Савельев.

Я вздохнул. Мы мечтали о воде, как пьяница о водке, но было мало шансов найти здесь баню. Цербст до вчерашнего дня был занят союзными войсками, и не далее чем сегодня утром американцы передали его Красной Армии согласно плану размежевания Германии.

Нам удалось сполоснуть лицо под ручкой на дворе у военного коменданта, который прибыл незадолго до нас и только еще устраивался.

Когда мы вышли на улицу, Котя, мой шофер, сказал мне хриплым доверительным шепотом:

– Товарищ майор, я тут кое-что разведаль. Так вы идите погуляйте, а через часок приходите вон в ту чудацкую башню. Баня будет.

– Котя, хвастовство портит юношей, – пробурчал Савельев.

– Савельев, готовьте мыло, – сказал я.

Котя признательно кашлянул, откозырял и нырнул в какую-то руину в тевтонском стиле, до того безобразную, что даже разрушения не могли прибавить ей уродливости. Котя был человек молчаливый, не по-шоферски застенчивый и чрезвычайно деловитый. У него была слабость: он любил проявлять могущество. В скитаниях наших я никогда не спрашивал Котю, откуда вдруг у нас к обеду фазан и где он добыл среди горящих лесов Померании четыре новых баллона на машину. Он все равно не ответил бы. Он не любил раскрывать технику. Ему нравилось слыть чудотворцем. Кроме того, Котя имел обыкновение самые невинные вещи сообщать многозначительным шепотом, панически расширяя глаза и даже озираясь по сторонам – не подслушивают ли его, отчего такие его фразы, как «кажись, мне пора побриться» или «товарищ майор, вам принести белье из стирки», приобретали таинственное и даже зловещее значение.

Мы с капитаном пошли по городу. Встречные жители кланялись нам с умильными улыбками, от которых у нас начинали ныть зубы. Не люди, а марципаны!

Пройдя небольшой старинный парк, весь изрытый щелями, мы увидели дворец Екатерины и остановились, удивленные.

Все справочники, включая новейшие, описывали замок

князей Цербстских как отлично сохранившийся. Путеводитель Бедекера издания 1943 года ¹ подчеркивал, что «замок отремонтирован во время войны и в последние годы обогатился новыми экспонатами в стиле эпохи». Они-то меня и интересовали. Я сильно подозревал, что «новые экспонаты в стиле эпохи» сперты агентами вора-эстета Альфреда Розенберга из екатерининских дворцов Детского села и Петергофа.

Но попробуй-ка, сунься в Цербстский дворец! Он был разбит на совесть и по многим признакам совсем недавно.

– Руина в стиле рококо, – мрачно резюмировал Савельев, – однако я не понимаю, чья это все-таки работа.

– Вы же видите, был бой.

– С кем?

– С американцами. С кем же еще?

– Но американцы-то с кем дрались? Ведь здесь не было немецких частей, уж я-то знаю.

Савельев был офицером армейского разведотдела. Как все разведчики, он гораздо лучше знал армию противника, нежели свою. У него в голове была как бы картотека с бесчисленными номерами немецких частей, путями их передвижений, цифрами их потерь и пополнений. Он знал имена офицеров этих частей, их характеры, семейное положение и карьеры. Притом он никогда ничего не записывал, остерегаясь

¹ Karl Baedeker, Grassdeutschland für Bahn und Auto, 3 Aufl. Leipzig, 1943, с предисловием рейхсминистра Розенберга: «...и маленький благоухающий Цербст, посреди которого высится дворец Екатерины Великой как цитадель германизма, призванного пасти народы мира...»

бумаги и чернил. Но его атлетическая память удерживала в себе сотни разнообразных сведений, содержимых в строгом порядке.

Нельзя было и думать о том, чтобы пройти во дворец. Уцелевшие колонны держались на честном слове. Каждую минуту мог обрушиться на голову балкон или мраморный торс музы, повисший на железном стержне, как на нерве.

Сад позади дворца тоже был изуродован. Бомбы переделали самую топографию местности. Появились долины и высоты, не показанные на карте. Речонка Нуте изменила свое русло. Три смежные воронки от полутонных фугасок соединились и образовали большое озеро, не лишенное поэтичности.

Савельев, обычно такой разговорчивый, хмуро молчал. Он был угнетен этим скандальным пробелом в своей карте.

Из каменного хлама подле дворца я выудил голландскую Библию шестнадцатого века, пару дамских резиновых бот с клеймом «Красный богатырь» и портрет Екатерины II – старинная гравюра, отпечатанная в Петербурге. По-видимому, все это было из числа «новых экспонатов в стиле эпохи».

Савельев насмешливо покосился на мои находки. Он пренебрегал «сувенирами», на которые набрасывались все мы: железными крестами, камнями со стен рейхстага, осколками снаряда, который «чуть меня не убил», и перьями, которыми фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписал капитуля-

цию Германии (этих перьев насчитывалось уже штук сорок, и Савельев предлагал созвать конференцию их владельцев с участием Кейгеля, чтобы установить, которое же из них подлинное).

Сам Савельев собирал другое: оригинальные жизненные случаи, курьезные и острые положения, необыкновенные ситуации. В его коллекции вы могли найти рассказ о смертельной схватке на дне Днепра двух водолазов – немецкого и нашего, о «гвоздемете» – орудии, изобретенном одесскими трамвайными рабочими и стрелявшем по румынам болтами, винтами, шплинтами и прочей металлической рванью, и много других историй в том же диковинном роде.

В свободные минуты Савельев приготавливал из них маленькие новеллы – разумеется, устные, питая отвращение к письменным занятиям, и рассказывал их очень вкусно своим ворчливым выразительным баском.

Все же однажды он попробовал, уступая нашим настояниям, записать свои увлекательные истории. Получилась бледная и скучная размазня. Не так велико расстояние между бумагой и пишушим: сантиметров пятнадцать, не более. Однако вся прелесть савельевских рассказов, весь их огонь, изящество, глубина, остроумие пропадали на этом крошечном перегоне, таком, оказывается, труднопроходимом. Вероятно, искусство Савельева опиралось на какие-то качества, ненужные писателю, паузы или мимику, быть может – жесты, впрочем очень скупые.

– Ну вот, – сказал я, – то, что вам нужно. Родина русской императрицы, куда пришли советские люди... Превосходное положение...

– Я понимаю, – кисло сказал Савельев, – но это не для меня. Уж я и так всячески настраиваю себя на романтический лад. Вот здесь она родилась, эта маленькая провинциальная принцесса. Вот эта зеленая стена стояла у нее перед глазами. Принцесса томилась. Она была умна, честолюбива и прелестна. Вокруг – затхлая атмосфера захудалого княжеского дворца. Церемонный этикет, а чулки приходилось самой штопать как для развития домашних добродетелей, так и потому, что их было всего три пары. И вдруг – замужество. Из крохотного княжества – в необъятную варварскую Россию. Но Петербург оказался красивейшим городом Европы. Супруг – император и немец. А кроме того, пьяница, дурак, развратник и дебошир. Немецкий хулиган на русском престоле. Потом...

Савельев сделал паузу. И большое складчатое лицо его, вдохновенно передернувшись, вдруг сложилось на секунду в неподражаемую гримасу: в ней было шутовство, безалаберность и даже грязные поры пьяницы, – вся неуверенная клоунская царственность Петра Третьего.

– ...Потом, – мгновенно приведя в порядок обширные и послушные механизмы своего лица, став обыденным, продолжал Савельев, – влюбленные офицеры, интриги и деньги Лондона, дворцовый заговор, хулигана – по черепу! И ма-

ленькая провинциалка – властительница империи. В течение полувека мир полон шумом ее славы: гений Суворова, дружба с Вольтером, покорение Крыма. И где-то далеко на западе – родина, утка, высидевшая лебедя, крошечный Цербст, о котором императрица не вспомнила ни разу за всю свою долгую блестящую жизнь. И вот через двести лет в девятнадцать часов ноль-ноль минут появились первые русские в Цербсте, советские офицеры.

– Хорошо! – сказал я.

– Не для меня, – сказал Савельев, – для шаблонного исторического романа, каких стало выпекаться что-то очень много к разным юбилейным датам. Для меня это не хлеб. Пойдемте лучше в город.

Мы пошли по главной улице, набитой магазинами. Вывески – огромные, магазины – с гулькин нос. Но все – люкс. Цирюльня – люкс, пивнушка – люкс, чистильщик сапог – люкс. И всюду при виде нас: «Господа! В нашем городе родилась ваша великая императрица!...»

Нельзя было выпить стакан дрянного лимонада в буфете или прикурить у прохожего, чтобы не услышать этой фразы, произносимой с какой-то гнусавой торжественностью.

И всюду в витринах – портреты Екатерины, кое-где даже украшенные красными лентами. По-видимому, Цербст действительно считал Екатерину своей основной специальностью.

– Мы, знаете, не то что какой-нибудь Магдебург, – сказал

нам владелец бондарного заведения (тоже люкс), – или Виттенбург, или Дессау.

– А что? – спросили мы неблагоприятно.

– Здесь родилась Катрин ди Гроссе...

Фу ты черт! Положительно, городишко воображал себя поставщиком императоров.

– Я полагаю, – продолжал бондарь-люкс, – что, как земляк Екатерины Великой, я могу рассчитывать на особое внимание со стороны советского командования.

– А именно? – заинтересовался Савельев.

– В смысле повышенной нормы выдачи жиров, круп...

– Конечно, – заверил его Савельев, – при одном только условии: если вы докажете, что вы лично вырастили для русского престола Екатерину Великую...

Мы зашли в пивную промочить горло. Владелец приветствовал нас придворным поклоном.

– Господа! – начал он, пыжась от гордости. – В этом, городе родилась...

– Знаю, знаю! – закричал Савельев. – Царица-матушка, кайзерин-мутерхен. Мне надоело слышать о Екатерине. Расскажите лучше что-нибудь об Адольфе.

Усталые, мы вернулись к башне. Из бойниц тевтонского уродца весело вырывался пар. Я торжествующе посмотрел на Савельева.

Здесь помещалась прачечная, брошенная несколько дней назад ее скрывшимся владельцем, видным местным наци-

стом. Это была грязная лачуга, полная пауков и мокриц.

Но тут стояла печь с вмазанным в нее котлом. Три гитлеровца вымыли закопченные стены, натаскали из брошенных квартир ванны и тазы, пристроили полати для любителей попариться, и банька вышла на славу.

Это было огромное наслаждение – погрузить в ванну измученное, пропыленное тело.

Мы лежали в теплой воде, закрыв глаза и чувствуя, как разминаются натруженные солдатские кости.

Савельеву досталась ванна не по росту, и оттуда попеременно вылазили то его лицо, то длинные дон-кихотские ноги. Вскоре вода показалась мне недостаточно горячей, и я крикнул:

– Bitte, etwas warmes Wasser! ²

– Сию минуто-с! – отозвался один из гитлеровцев на чистом русском языке.

Савельев и я удивленно посмотрели на него. Это был немолодой человек с седоватой щетинкой на подбородке, но крепкий и проворно шмыгавший по бане на своих коротких ногах.

– Откуда вы знаете по-русски? – спросил я.

– А я жил до тысяча девятьсот двадцать второго года в России, – сказал он, подливая воду в ванну. – Не горячо-с?

– Ничего, – сказал я и подумал: «Наверно, из немецких колонистов».

² Теплой воды, пожалуйста! (нем.)

Савельев встал и принялся мыться, сладострастно ухая.

– Кем же вы были в России? – пробурчал он.

– Профессором Томского университета, господин капитан. Я – доктор исторических наук, Клаус Фосс, к вашим услугам...

Вот так банщик!

Котя оделся и прохрипел мне на ухо:

– Иду на питательный пункт сообразить насчет обеда.

И удалился с видом заговорщика.

Савельев смахнул с лица мыло, чтобы лучше разглядеть странного немца. Двое других, молодые парни, сидели на корточках под стеной и сосали по очереди один окурочек, равнодушные к разговору, которого они не понимали.

– Как же вы уехали из России? – спросил Савельев.

– В тысяча девятьсот двадцать втором году была объявлена репатриация. Я, как немец, уехал в Германию.

– И ваша научная специальность?

– Римская и греческая литература и история. Прикажете спинку потереть?

В пронизательных, слегка скошенных глазках Савельева уже вспыхнул задумчивый и лукавый блеск, как всегда, когда он наталкивался на необычайное положение.

«Нет, это в самом деле необыкновенно, – подумал я. – А не врет ли он?»

И, мобилизовав остатки своего классического образования, я воскликнул:

«Aurea prima sata est, aetas quae vindice nullo,
«Sponte sua sine lege fidem rectumque colebat...»³

«Poena metusque aberant. Nec verba menacio fixo,
Aere legebantur...»⁴ –

подхватил профессор Фосс, – Овидий, «Метаморфозы»-с. Нет, видимо, не врет. Он скандировал правильно, соблюдая зияния, и усечения, и прочее.

– Разрешите мне, в свою очередь, задать вопрос? – попросил ученый-пленный и, получив согласие, сказал: – Жив ли мой старый учитель – академик Жебелев? Ведь я кончил Петроградский университет.

Действительно, в его речи пробивался изящный и чистый ленинградский говорок. При этом фразы его отличались некоторой книжностью, сделанностью, той мертвенной правильностью, с какой обычно говорят по-русски иностранцы.

– Жебелев умер, – сказал я.

– Сергей Александрович умер? Ай-ай-ай... Европейское имя... Скорблю. А профессор Орбели Иосиф Абгарович?

³ Первым посеян был век золотой, не знавший возмездия, Сам соблюдавший всегда без законов и правду и верность... (Овидий. «Метаморфозы», кн. 1).

⁴ Не было страха тогда, ни кар, и слов не читали Грозных на бронзе... (Овидий. «Метаморфозы», кн. 1).

– Орбели здравствует.

– Душевно рад. Ликую, – сказал доктор исторических наук, переходя ко мне и принимаясь за мою спину.

– Что вы, профессор Фосс, не надо, – сказал я.

– Нет, почему же, – сказал Фосс, пытаюсь с видом заправского банщика пошлепать меня по пояснице в то время, как я от него увертывался. – По свидетельству Аппиана, повторенному Гастоном Буассье в его труде «Новые археологические прогулки», знатные патриции в период Августова века, собираясь в термах, никогда не отказывали себе в благотельном массаже. Это древний обычай, уходящий корнями...

– Так то Августов век и патриции.

– Помилуйте, – сказал профессор, – намылить спинку советскому офицеру для меня удовольствие-с.

Но я отстранил его и вышел из ванны.

Савельев уже обтерся. Не одеваясь, он сел на табуретку, заложив ногу на ногу, и со вкусом закурил. Голый, с длинными скрещенными конечностями, со взглядом, пронзительным и насмешливым, он был похож на Мефистофеля. Узкие глаза его остановились на Фоссе с веселым любопытством.

– Итак, профессор, – сказал он, – в конце концов вы оказались в армии?

Фосс сокрушенно покачал головой.

– Да, последний этап в моем куррикулум вите⁵.

⁵ Жизнеописании (лат.).

– Как же, однако, вас забили в солдаты? Ведь вы, по-видимому, на государственной службе...

– Ординарный профессор Имперского Познанского университета-с. Меня взяли в армию в марте этого года по второй тотальной мобилизации.

– Профессоров, по-моему, не брали...

– Это было сделано не совсем по букве закона, – сказал латинист с горячностью, – со мной поступили отчасти не по правилам. Все произошло из-за сражения при Каннах. Если господа офицеры не спешат, я мог бы рассказать...

– Расскажите, – сказал Савельев и протянул немцам портсигар, к которому они прильнули с глухим благодарным ворчаньем.

– Как я вам уже докладывал, господа офицеры, – продолжал профессор, – я читал курсы античной истории и литературы. Надо вам знать, что роль нумидийской конницы во время Пунических войн была темой моей кандидатской диссертации еще в Петроградском университете. Словом, Канны – мой конек. И на кафедре Познанского университета я всегда посвящал этой теме не менее двух полуторачасовых лекций. Так повторялось из года в год. А нынешней зимой я был вызван к господину ректору, который заявил мне, что я излишне модернизирую сражение при Каннах и что, например, уподобление карфагенских слонов современным танкам по меньшей мере бестактно. Когда же я принялся возражать, он довольно резко оборвал меня, сказавши, что сра-

жение при Каннах такая же неудобная тема, как Грюнвальдское сражение, или бой на Чудском озере, или битва под Кунерсдорфом, и предложил мне исключить эту тему из моего курса.

Точно помню дату этого разговора: семнадцатого января тысяча девятьсот сорок пятого года. В этот день русские войска взяли Варшаву. Не уловив связи между этими двумя сражениями, столь взаимно отдаленными во времени и пространстве, и не усматривая в Ганнибале врага германской идеи, подобно Друзу или Германику, я счел это гонение на великого карфагенянина несправедливым и обжаловал действия ректора гаулейтеру провинции Вартеланд господину Артуру Грейзеру.

Этот последний не только не поддержал меня, а в раздраженном тоне заявил, что штудирование Канн в настоящих условиях есть не что иное, как оппозиционный намек на «котлы», в которые беспрерывно попадает германская армия на остфронте начиная с тысяча девятьсот сорок третьего года.

Господин гаулейтер распорядился лишить меня кафедры античных дисциплин и предложил мне читать курс расовой теории. Это было двадцать восьмого января, когда русские вторглись в Померанию. «Германии не нужны латинисты!» – гневно кричал господин Грейзер. Подумайте, господа офицеры: Германии, которая дала миру великих Нибура, Момзена, Винкельмана!

Я не успокоился и, попросив трехдневный отпуск под предлогом эвакуации семьи в южные районы Баварии, съездил в Берлин и добился личного приема у самого имперского министра господина Йозефа Геббельса, который некогда отнеся ко мне не без благосклонности, отозвавшись с похвалой о моем историко-политическом эссе: «Макиавелли как предшественник Муссолини», напечатанном в «Politik und Wissenschaft»⁶.

Я уповал на просвещенность доктора Геббельса, поощренный тем, что излюбленным риторическим приемом его статей и речей было обращение к аналогиям из мира классической древности. Господин рейхсминистр принял меня в своем подземном кабинете под новой Имперской канцелярией. Я изложил ему свое дело. И вот он – столь часто уподоблявший Гитлера Аллариху, Роммеля – Сципиону Африканскому Младшему, а себя самого – Катону Старшему и еще совсем недавно сравнивавший нынешнюю войну со Второй Пунической, – услышав мою жалобу, вскочил на стол в характерном для него движении гнева и крикнул: «Померанская свинья! Дармод! На виселицу его!»

Я упал без чувств и очнулся только лежащим на тротуаре Герман-Герингштрассе, куда меня вынесли эсэсовцы личной охраны господина имперского министра. Здесь мне объявили, покуда я поднимался и стряхивал пыль с сюртука, что доктор Геббельс, во внимание к моему возрасту и былым за-

⁶ «Политика и наука» (нем.).

слугам, милостиво разрешает мне вступить в армию в качестве солдата, чтобы кровью искупить измену германским идеалам.

Я заикнулся было – и это был мой *ultima ratio*⁷, – что я уже согласен читать курс расовой теории, но мне дали подзатыльник и отвезли на Варшавский вокзал. В арестантском вагоне, вместе со схваченными дезертирами и проворовавшимися интендантами, я был доставлен в Познань. Не правда ли, сюжет, достойный Светония?

В вагоне я прочел последний номер газеты «Дас шварце Кор»⁸, из которого я уразумел причину несколько повышенной нервозности господина рейхсминистра: в этот день, первого февраля, русские перешли через Одер. Но, по справедливости, господа офицеры, была ли в этом моя вина? Скорее – господина имперского министра... Могу повторить вслед за Назоном, которого вы так любите, господин майор, и в судьбе которого я обнаруживаю печальное сходство с моей: «*Perdiderunt cum meo duo crimina – carmen et error...*»⁹

В Познани меня тотчас зачислили в качестве солдата в только сформированный полк фолькс-гренадирен...

– Номер тысяча восемьдесят три, – вставил Савельев, – трехбатальонного состава, на вооружении батальона до восьмидесяти фауст-патронов, командир полка майор фон Гро-

⁷ Последний довод (*лат.*).

⁸ «Черный корпус» (*нем.*).

⁹ Сгинут вместе со мной два преступления – стихи и ошибка... (*Овидий.*)

денау.

Отставной латинист с удивлением посмотрел(на Савельева и сказал:

– Совершенно верно.

– И вы участвовали в бою под Шнайдемюль четырнадцатого февраля, где ваш полк потерял три четверти своего состава...

– Нет, господин капитан, – воскликнул профессор, – мне повезло! Я не был в губительном сражении под Шнайдемюль, где я вряд ли остался бы жив. Мне сразу удалось попасть в состав специального отряда, посланного на смену гарнизона города Цербст, где я сейчас имею высокую честь разговаривать с вами. Отрядом командовал обер-лейтенант Кошке...

– Вот здесь начинается то, чего я не знаю, – пробормотал Савельев. – Стало быть, профессор, вы принимали участие в боях за Цербст? Вы дрались с американцами?

– О нет, господин капитан! Никаких боев за Цербст не было.

– Ничего не понимаю, – сказал Савельев. – Почему же Цербст так разрушен? Американцы не стали бы зря тратить бомбы на эту дыру, в которой нет военных объектов.

– О, это целая история, – сказал Фосс. – Если господам офицерам угодно, я могу поведать ее.

– Поведайте, – сказал Савельев, окончательно придя в хорошее настроение.

– Видите ли, сначала все шло хорошо, при благоприятнейших ауспигиях. Одновременно со мной был взят в армию господин Кошке...

Савельев поморщился.

– Опять этот Кошке! Вы можете рассказать толково про бой за Цербст? Если вы так же бессвязно излагали вашим студентам битву при Каннах, я понимаю Геббельса, который выгнал вас из университета.

– Но, господин капитан, – умоляюще сказал профессор, – все дело в господине Кошке! Позвольте, я расскажу по порядку.

– Ну, давайте, – пробурчал Савельев.

– Господин Кошке – это почтенный мебельный торговец, человек в летах, как и я. Как и я, он и не помышлял о том, чтобы служить в армии. Но вторая тотальная мобилизация не щадила никого, и в нашем полку фольксгренадеров наряду с криминальным элементом оказалось много солидных людей. В отличие от меня, господин Кошке сразу получил звание обер-лейтенанта, хотя он никогда до того не держал оружия в руках. Но у него могущественные связи: сестра его жены не кто иная, как экономка в доме господина министра Штрейхера, имперского хранителя здоровья и расовой чистоты...

– Ближе к делу, – сказал Савельев нетерпеливо, – вы опять уклоняетесь.

И я понял, почему увлекательные новеллы моего приятеля

ля так худосочны на бумаге. Записывая их, он пренебрегает подробностями. На бумаге остаются только кости сюжета, без мяса образов, без крови эпитетов, без румянца деталей – всего, что в устном изложении Савельев восполняет фиоритурами голоса и игрой лица.

– Слушаю, господин капитан, – покорно сказал профессор. – Небольшой наш отряд (в нем было всего тридцать человек, и, смею сказать, все познанские нотабли), проследовав через Швибус, Франкфурт, Берлин и Вит-тенберг, прибыл в Цербст, чтобы сменить тамошний гарнизон. Это был так называемый Цербстский батальон полуинвалидов войны – беспалые, хромые, сердечники, одноглазые, тугоухие, психопаты и застарелые венерики. Они образовывали взводы и отделения по признаку болезни...

Я с недоверием посмотрел на профессора.

Но Савельев подтверждаяще кивнул головой и сказал:

– Да, немцы иногда так делали. Они находили в этом организационное удобство. Мне приходилось допрашивать пленных из роты, которую составляли больные исключительно язвой двенадцатиперстной кишки.

Ободренный этой поддержкой, профессор продолжал:

– Эти инвалиды были старыми, опытными фронтовиками, и с нашим приездом им предстояло отправиться на фронт. По моему предложению мы устроили им почетные проводы. Все выстроились на площади перед так называемым дворцом Екатерины, который был тогда еще цел. Местный зин-

герферейн с большим чувством исполнил патриотические песни. А я по поручению командования, то есть господина обер-лейтенанта Кошке, произнес напутственное слово, взяв за образец речь Демосфена: «Надгробное слово афинянам, павшим при Херонее».

Без ложной скромности скажу, что импровизация удалась мне. Многие, особенно дамы, прослезились в тот трогательный момент, когда, возвысив голос, я напомнил о долге немца перед фюрером и Великогерманией. К сожалению, инвалиды не совсем прониклись сознанием высокой чести, выпавшей на их долю, и прерывали мою речь неуместными возгласами вроде: «Швайнегунде! Устроили шибунг! ¹⁰ Когда мы вас увидим наконец на фронте, боровы брюхатые!» – что вынудило меня отправить вслед уезжающим донесение командующему группой войск «Висла» господину рейхсминистру Гиммлеру, ставя его в известность о наличии оппозиционных настроений и недостатке германского духа в цербстском батальоне полуинвалидов.

За исключением же этого инцидента, жизнь наша в армии протекала безмятежно. Мы несли нетрудную караульную службу и терпеливо ждали конца войны, который, как я понимал, не за горами. Война обходила этот городок стороной. Ваши почтенные вооруженные силы наступали с северо-востока, метя на Берлин.

Мы понимали, что Цербсту предназначено быть завоеван-

¹⁰ Свиньи собачьи! Устроили спекуляцию! (нем.)

ным англо-американскими войсками, что не вызывало особого протеста со стороны большинства солдат нашего отряда, надеявшихся возобновить свои старые деловые связи с английскими и американскими фирмами, чьих представителей они рассчитывали встретить в наступающих полчищах противника.

В ожидании этих событий я освежал свои познания в английском языке, читая в подлиннике «Кентерберийские рассказы» Чосера и роман Берроуза «Приключения Тарзана в Нью-Йорке»... Не сомневаюсь, что все кончилось бы безболезненно, если бы не рискованная привычка, усвоенная нашим начальником, господином обер-лейтенантом Кошке, и сыгравшая роковую роль в судьбе Цербста.

Очутившись в армии, господин Кошке пристрастился к вину. Побуждения его были похвальные: вино для него служило средством вызывать в себе германскую доблесть. А для того чтобы не допускать ее ослабления, он пил всегда. Только по утрам, проснувшись, он бывал трезв. И в эту минуту обычно взгляд его падал на ящик с фаустпатронами, стоявший в углу его комнаты. Он содрогался. Услышав жужжание нашего старого связного самолета «Аист», он бежал в подземный бункер. Даже собственные ноги, затянутые в высокие сапоги со шпорами, ужасали его. Он хватал бутылку брандвейна и осушал ее. У него не было переходных стадий. Из бездны трусости он без проволочек взлетал на вершину

доблести. В этом состоянии *furoris teutonici*¹¹, описанном еще Тацитом в его «*De moribus germanorum*»¹², он выгонял цербстских граждан на постройку редутов. И пока обыватели, натирая мозоли, копались в земле, господин Кошке расхаживал по свеженасыпанному валу и, размахивая саблей, извлеченной из музея Екатерины, кричал: «Немцы! Сердца ваши полны верностью и любовью к порядку!...», «Через жертвы – к победе!...», «Немцы, уничтожим сатанинские силы врага!...» – и тому подобные лозунги из циркулярных воззваний доктора Геббельса, которые каждую пятницу прибывали во все провинциальные ортсгруппы NSDAP¹³. Между тем неприятельские войска, без боев продвигаясь сквозь Брауншвейг и Саксонию, подошли к Цербсту...

– Девятая американская армия под командованием генерал-лейтенанта Симпсона, – ввернул Савельев.

– Совершенно верно, господин капитан. Мы провели бессонную ночь. Однако все было тихо. По-видимому, американцы спали, не уклоняясь и во время войны от следования разумным гигиеническим правилам. Из всех нас спал только господин Кошке, усыпленный брандвейном, приемы которого он удвоил, узнав о приближении войск противника.

Едва рассвело, бургомистр Цербста, господин фон Шлеппен, владелец крупнейший в Ангальтской провинции пуго-

¹¹ Тевтонской ярости (*лат.*).

¹² «О нравах германцев» (*лат.*).

¹³ Национал-социалистская (фашистская) партия.

вичной фабрики, разбудил Кошке. Господин фон Шлеппен объявил, что необходимо сейчас же выехать навстречу американцам с предложением о капитуляции города Цербста, предотвратив таким образом ненужные жертвы среди мирного населения.

Господин обер-лейтенант с разумностью, отличавшей его в утренние часы, немедленно согласился с бургомистром.

– Поезжайте, дорогой фон Шлеппен, и спешите, пока они не начали... – господин Кошке слегка вздрогнул и добавил: – стрелять. Вполне полагаюсь, на ваш дипломатический такт.

– Считал бы, что и вам надо поехать, – сказал бургомистр. Но господин обер-лейтенант возразил, что ему ехать неприлично ввиду незначительности его отряда, вынул из-под подушки флягу и приложился к ней.

Захватив белые флаги, двух горнистов и меня в качестве переводчика, господин бургомистр выехал в неприятельский лагерь. Вскоре мы наткнулись на американский патруль...

– Два слова о вашем настроении в тот момент, – сказал Савельев, – душевная боль, скорбь патриота, оскорбленное национальное самолюбие и тому подобное? Быть может, кто-нибудь из вас плакал?

– Нет... мы не плакали, – сказал Фосс своим рассудительным голосом. – Я отвлекся приготовлениями к предстоящей мне роли драгомана и мысленно повторял спряжения неправильных английских глаголов. У господина бургомистра горечь поражения несколько умерялась упованиями на пред-

стоящее расширение операций по сбыту пуговиц... Увидев американцев, господин бургомистр, согласно постановлениям Гаагской конференции тысяча девятьсот седьмого года о законах и обычаях ведения сухопутной войны, взмахнул белыми флагами, а горнисты затрубили в свои рожки.

В этот момент действительно гражданская скорбь коснулась нас своим траурным крылом. Мы понимали, что сейчас мы станем участниками великой исторической сцены, подобной Компьену, полной трагизма, но и не лишенной мрачной величественности. Во всяком случае мы готовились держать себя с достоинством. Господин фон Шлеппен шепнул мне:

– Если они попробуют унижать честь Германии, я уйду, подобно тому как граф Брокдорф-Ранцау в тысяча девятьсот восемнадцатом году удалился из зала Версаля...

Американцы – их было там четыре солдата – сидели на земле и играли в карты. Один из них сказал:

– Боб, проводи этих слюнявых фрицев к начальнику. Джек сыграет за тебя.

– А черта лысого не хочешь? – язвительно сказал Боб. – Я вижу тебя насквозь, Том; ты хочешь в мое отсутствие поправить свои дела. Я для тебя слишком сильный партнер...

– Заткнись ты, курносый бульдог! – сказал Том. – Я уже три раза водил фрицев, а ты только один. Ты, видно, приехал в Европу набирать жир, а не воевать...

Между ними завязалась перебранка. Несколько раз они

вскакивали, подуськиваемые товарищами, засучивали рукава, но потом садились обратно.

В конце концов тот, которого звали Джек, сказал нам: – Вот что, ребята, идите к начальнику сами. Вы, фрицы, любите, чтобы вас за уздечку водили, как слепых мулов. Вы же видите, мы заняты. Ну-ка, топайте попроворней, сукино отродье!

Он любезно указал нам дорогу, и вскоре мы добрались до палатки начальника. Но права римская мудрость: «Festina lente»¹⁴. Мы зря спешили. Начальник еще спал. Возле палатки скопилось много немцев, дожидаясь его пробуждения.

– Кто последний? – осведомился господин фон Шлеппен.

Отозвался пожилой господин в канотье и дымчатых очках.

– Придется ждать, – молвил господин фон Шлеппен, опускаясь на скамью подле него, и философски добавил: – Ничего не поделаешь, мы живем в эпоху очередей...

Часа через два мы услышали шум в палатке. Начальник проснулся. Потом он брился и завтракал. Наконец он вышел к нам. Это был молодой первый лейтенант.

– Всё парламентареры? – сказал он, зевнув. – Капитулируете? Безоговорочно? Откуда?

Послышались возгласы:

– Из Швейдница!

– Из Бёрлица!

¹⁴ Поспешай медленно (*лат.*).

– Из Гретенганухёна!

– Из Цербста!

– Ладно, – сказал господин первый лейтенант, – подходите в порядке очереди к писарю и подписывайте свои капитуляции. Только не толкайтесь и де галдите. Майор еще спит.

Рядом со складным столом сидел штабной сержант. У него были приготовлены бланки о безоговорочной капитуляции, и видимо, отпечатанные в полевой типографии. Для названия города и даты были оставлены пробелы.

Господину фон Шлеппен и мне понравилась акуратность этой процедуры и то, что в ней не было ничего унижительного для германского достоинства. Не правда ли?

Когда наступила наша очередь подписывать, господин писарь сердито спросил:

– А где ваш представитель от армии? Что вы, порядка не знаете? Первый раз капитулируете?

Действительно, все прочие делегации имели в своем составе военного представителя.

– Господин писарь! – взволнованно сказал бургомистр. – У нас с армией полная согласованность, и вообще весь наш гарнизон – тридцать человек...

Но желчный штабной сержант ничего не хотел слышать, и мы не знали, что нам делать, как вдруг появился запыхавшийся обер-лейтенант господин Кошке. Лицо его было красно, он шумно сопел, длинная сабля, волочась по земле, громко стучала.

– Вот наш представитель от вооруженных сил Цербста! – обрадованно воскликнул господин бургомистр.

– Ну, валяйте, – буркнул писарь, – подмахивайте вашу капитуляцию.

– Никакой капитуляции! – заорал господин Кошке. – Шлеппен, я повешу вас как изменника! Цербст будет сражаться! Мы уничтожим ваши сатанинские...

– Ладно, будем сражаться, – прервал его первый лейтенант, зевнув.

Я приблизился к господину Кошке. По красноте его лица и аромату брандвейна я понял, что он абсолютно пьян.

Писарь заворчал:

– Только бумажку мне испортили. Первый лейтенант, пусть они подпишут капитуляцию. Этак на них бланков не напасешься.

– Не задерживайте их, Браун, – сказал первый лейтенант, – иначе они не успеют написать свои завещания.

Услышав это, господин фон Шлеппен вздрогнул, а наш начальник снова заорал:

– Германия не боится никого, кроме бога! Присылайте вашу пехоту – мои славные гренадеры испепелят ее!

– Вы не увидите нашей пехоты, – холодно сказал господин первый лейтенант. – Недостает только, чтобы какой-нибудь надрызгавшийся фанатик выстрелил в спину нашему солдату. Жизнь одного американца мне дороже, чем весь ваш воюющий город. Убирайтесь!

Мы поняли, что дипломатические переговоры прерваны, и удалились... Что вам сказать? Первый лейтенант оказался прав: мы не увидели американских солдат. Мы увидели американские самолеты. Они появились над городом в два часа дня, как божья гроза, а может быть, как посланцы дьявола. Они бомбили нас сорок пять минут. Результаты перед вами. Половина Цербста лежит во прахе. В том числе – знаменитый дворец Екатерины Великой. Несколько сот человек было убито. Кровь смешалась с пылью. Видимо, грехи мои невелики. Господу было угодно, чтобы я уцелел и рассказал вам эту историю завоевания Цербста, достойную пера Полибия... Acta est fabula ¹⁵.

– А что случилось с вашим Кошке? – спросил Савельев.

– Господин обер-лейтенант при первых же разрывах бомб сразу протрезвел. Он бросился в бункер под цейхгаузом, самое надежное убежище в городе, но смерть настигла его и там...

– Прямое попадание?

– Нет... Он не пал от руки неприятеля. Карающий бог наслал на него более мучительную смерть... Его убили разъяренные жители Цербста.

– История что надо, – пробормотал Савельев. Лицо его выражало явное удовлетворение.

– Вы видите, я был прав, – сказал я, – как раз для вашей коллекции.

¹⁵ Повесть закончена (лат.).

– Теперь, пожалуй, – сказал Савельев, – одна Екатерина – без Кошке – меня не устраивала, точно так же, как не устроил бы меня один Кошке без Екатерины, но вместе совсем другой разговор... Да, кстати, Фосс, вы, как историк, должны знать: когда родилась Екатерина Великая и когда она покинула Цербст?

– Софья-Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, – ответил профессор, – принявшая в православии имя Екатерины, соизволила родиться в ночь на двадцать первое апреля тысяча семьсот двадцать девятого года. Но не здесь.

– Как не здесь? Это что – не тот Цербст?

– Тот самый, господин капитан. Цербст в Германии один. Но место подлинного рождения императрицы Екатерины Великой – город Штеттин, где отец ее величества был командиром полка, имея казенную квартиру из трех комнат. Пятнадцати лет императрица была увезена в Петербург и в Цербсте была только один раз в возрасте одиннадцати лет – и то не более четырех с половиной суток.

– Ничего не понимаю, – проворчал несколько растерянный Савельев. – А Екатерининский дворец? А музей, ей посвященный? А портреты во всех витринах? Что же это – миф, легенда?

– Господин капитан, это не легенда. Это – коммерция. Жителям Цербста было интересно изобрести родину Екатерины Великой в Цербсте. Это привлекало сюда туристов и было не последней статьей дохода в муниципальном бюд-

жете. Контрольной комиссии держав-победительниц, мое скромное мнение, надлежало бы это учесть. Дессау промышляет мылом и самолетами, Швейдниц – глиняными изделиями, а Цербст двести лет торгует Екатериной Великой не считая производства десятичных весов для взвешивания крупного рогатого скота...

Мы с Савельевым посмотрели друг на друга и расхохотались. Профессор смотрел на нас с вежливым недоумением.

– Может быть, вам, господа офицеры, пригодятся, – сказал он обеспокоенно, – некоторые исторические сведения о Цербсте? Цербст – первоначально Цирвисти – упоминается еще в тысяча седьмом году. Происхождение его – славянское. В тысяча двести пятьдесят третьем году он был отдан в ленное владение маркграфу бранден-бургскому. В тысяча триста седьмом году...

Мы встали и пошли к выходу. Профессор семенил за нами, восклицая: – С легким паром! – и непрерывно кланяясь.

Выходя, мы столкнулись с каким-то пожилым толстяком, шествовавшим по улице с видом фланера. Он вежливо приподнял цилиндр и пошел дальше в парк. Профессор Фосс дружески кивнул ему и шепнул нам:

– Это господин фон Шлеппен, последний бургомистр Цербста.

На прощание профессор попросил у нас «руссише сигареттен» и обрывки «Комсомольской правды», в которую было завернуто мое белье.

– Почитаю этим ребятам, что делается на белом свете, – сказал он, кивнув в сторону своих товарищей, по-прежнему сидевших безмятежно на корточках под стеной.

Один из «ребят», молодой верзила крестьянского типа, вдруг вытянулся предо мной и что-то прокричал. Я не понял его, он говорил на каком-то наречии, тягучем и полном носовых звуков, как говорят на севере Германии.

– Что он сказал?

– Он спросил на своем грубом арго голштинских мужиков: будет ли наказан тот, кто причинил немцам столько несчастий? Он имеет в виду Гитлера, – пояснил профессор, снисходительно улыбаясь...

Мы вышли на улицу. Еще не было темно, комендантский час еще не наступил, и жители гуляли по парку, степенно прыгая через лужи. Только что прошел дождь. Небо блестело, как эмалированное. Выкатились первые звезды, сияя пуговичным блеском. Бургомистр, опершись об акацию, мечтательно уставился на них. Акация посылала в воздух мыльный запах. Грубо желтел закат. Земля источала сырость, воздух казался потным. Теплый ветерок скребся в листве с жестяным шумом. Тоска на чужбине!